

Лето — позади. Мы возвращаемся в классы, проходим по школьным коридорам, внимательно оглядываем их — ещё пустые и ожидающие тех, кто придёт первого сентября на первый урок. Нам так важно, чтобы урок этот оказался неповторимым! И мы уже сейчас, будто актёры перед выходом в лучи рампы, выверяем каждое слово этого урока, стараясь, чтобы оно не только было новой информацией, но чтобы — и это главное — оказалось призывом, мотивом, рукопожатием; чтобы смогло организовать познание мира и самого себя в его вихреобразно неизбытности... Динамик — уже третий раз за день — с гордостью выдаёт:

Лето — позади. Институт — тоже позади. Люда волновалась, ожидая первого урока. С бешено колотящимся сердцем открыла дверь класса — и словно оказалась на сцене, перед нетерпеливыми и любопытными зрителями.

— Здравствуй! — произнесла она ещё от порога, и голос предательски задрожал. — Меня зовут Людмила Семёновна, я ваш новый учитель физики.

Она знала, что начинать надо именно так, она целую неделю — последнюю неделю лета — повторяла на все лады эту фразу, умудряясь каждый раз что — словно на автопилоте: мысли куда-то делись, слова стали чужими, и только кто-то из ребят напомнил:

— Здравствуй! А садиться уже можно?

Колонка РЕДАКТОРА

Она глянула — класс стоит, приветствует её, а та и не заметила. Забыла. Переволновалась.

— Да-да, конечно, садитесь, пожалуйста. — И под грохот отодвигаемых и пододвигаемых стульев пролепетала, смутившись окончательно:

— Начнём урок. Давайте познакомимся. Я зачитаю (она так и сказала — «зачитаю»), и только потом почувствовала, что напоролась на сучки, торчащие из этого слова) список, и мы выясним, кто есть сегодня на уроке, кого нет...

Она понимала: каждое лишнее слово на уроке выдаёт волнение и неуверенность новичка, но ничего не могла поделать — все эти «конечно», «давайте» весь этот словесный винегрет лез наружу, и кто-то заметил:

— А вы не бойтесь, мы не кусаемся!

Она почувствовала себя под прицелом ребячьих взглядов — все в упор смотрели на неё и, казалось, ждали очередного промаха.

— Тема урока... — Она собралась с мыслями и быстро назвала то, к чему готовилась для три, а потом принялась аккуратно писать это на доске — только бы не смотреть в тридцать глаз сразу, не искать спасительный подоконник или цветок на окне, которому можно рассказывать, не боясь насмешливого ответа во взгляде!

— А вы добрая! — кто-то из девятиклассников проговорил, срываясь на фальцет подростка.

И тут она вспомнила свою классную. На самом деле классную! Узнав, что Люда в педагогическом, та перед очередным Новым годом (окончив школу, всем классом наряжали у неё новогоднюю ёлку, и все умещались!), когда Люда пыталась повесить на ветку серебристый шарик, поинтересовалась:

— Ты, конечно, хочешь быть доброй с ребятами. А знаешь, как это дьявольски трудно — быть доброй и ни в коем случае не показывать?

— А почему — не показывать? — оторопела Люда, держа серебристый шарик на ленточке.

— А зачем показывать? — глядя в сторону, вопросом ответила Маргарита (так звали классную).

— Чтобы любили. Посмотрите на дикторов, — набралась храбрости Люда, уже почти Людмила Семёновна. — Если они не будут улыбаться, мы же смотреть не захотим. А так они красивые, обаятельные, добрые...

— Ты учишься в институте? — опять задала вопрос Маргарита. — И ребята учатся. Все. А ведь когда вы были ещё в пятом-шестом, так хотелось по голове погладить, пятерок наставить — всем! Только ты не училась бы в институте. Ирина (она кивнула) — в академии. Слава — в военном. Даша — в университете. Я была злая. Потому вы сейчас и у меня встречаете Новый год. Потому мы каждый год встречали рассвет. И карабкались по горам. Была бы доброй — ничего бы этого не было...

Маргарита посмотрела бывшей учительнице прямо в глаза — но та ровно ничего не понимала.

— Но почему? — продолжала разглядывать её Маргарита. — Но этого нельзя показывать. Запомни, девочка: если хочешь быть доброй, — никогда этого не показывай! Учитель — в первую очередь защитник и командир, и нам, женщинам, этому учиться надо. А командиров уважают не за доброту, а за взятые крепости и выигранные сражения.

Так что проповедники показной доброты унижают учителя, чтобы их грозной метлой! — жёстко закончила она...

...Люда вспомнила Маргариту — и ужаснулась тому, как она начала урок. Ребята ждут командира, а показала им себя сопливой девчонкой — отвечай теперь!

— Отправляемся в путешествие! — незнакомым самой себе голосом произнесла Людмила Семёновна. — Перед нами — кабинет физики начала двадцатого века. Приглядимся внимательнее...

— В путешествие — это хорошо! — послышался знакомый голос. — А меня возьмёте?

— Не бойся, пошли! — задорно кивнула Люда. — Только молча — иначе там оставим!

— Кто боится? — обиженно прозвучало в ответ, но Люда не слышала, она вела экскурсию по кабинету того физика. И говорила чётко, не запинаясь и не пытаясь себе помочь лишними словами. Теперь она знала: учитель — командир, а быть добрым и им казаться — абсолютно разные вещи, даже противоположные. Надо — вперёд, на бастионы, а бодрый ты или нет, решит знамя, которое поднимается потом над крепостью. Если жалел солдат, бежал за ними с носовым платком, но не научил их выигрывать сражения, отдав врагу всё что можно, — кому нужна такая доброта?

Этот вывод и помог состояться мастеру.

Этим выводом мы и начинаем очередной номер журнала.